

В. Н. СЕРГЕЕВ

Надписи на иконах праотеческого ряда иконостаса и апокрифические «Заветы двенадцати патриархов»

«Заветы двенадцати патриархов» принадлежат к числу апокрифов древнейшего происхождения. Отрывки из них найдены среди рукописей Кумрана.¹ Кумранские находки изменили установившийся с XIX столетия взгляд на «Заветы» как на памятник раннехристианской литературы. Это дохристианские произведения, имевшие распространение среди ессеев и содержащие, по мнению исследователя кумранских рукописей И. Д. Амузина, «резко выраженные христологические элементы».² Считается, что «Заветы двенадцати патриархов» возникли как отдельные произведения на древнееврейском, очевидно, во II—I вв. до н. э., а в I—II вв. н. э. «унифицированы в единое литературное целое» иудеем-христианином.³

Помимо древнейших фрагментов на еврейском, арамейском и сирийском языках, существуют полные тексты армянской и греческой версий апокрифа. Последняя послужила основой для перевода на славянский язык и на латынь, а с латыни — на английский, французский, немецкий, датский, исландский языки.⁴

«Заветы» были достаточно широко распространены в югославянской и, через нее, — в древнерусской письменности. На Руси они появились в составе Хроники Иоанна Малалы в 1261 г. и читались позднее во всех списках Толковой палеи.⁵ Н. Тихонравов выделял две редакции древнерусских «Заветов» — краткую и полную, считая, что краткая редакция появилась в результате сокращения полной.⁶ В. М. Истрин придерживался мнения, что «Заветы» существуют в одной первоначальной редакции, представленной Архивским хронографом, а так называемые краткая и полная редакции из Толковой палеи восходят к ней, причем краткая редакция является результатом сокращения первоначальной, полная же

¹ Тексты Кумрана, вып. I. М., 1971, стр. 56—57, 60—62, 281—286.

² Там же, стр. 60.

³ Там же, стр. 60—61.

⁴ М. Н. Сперанский. «Заветы двенадцати патриархов» в старинной чешской письменности. — Сборник статей, посвященных... В. И. Ламанскому, ч. 1, СПб., 1907, стр. 19.

⁵ И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. — ОРЯС, т. XVII, № 1, СПб., 1877, стр. 59—60.

⁶ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I. М., 1863, стр. 145.

использует краткую и одновременно обращается к первоначальной редакции.⁷

Поскольку Н. Тихонравов при издании полной редакции из Толковой палеи дает разночтения по списку, сохранившему первоначальный (по В. М. Истрину) вид «Заветов», и одновременно публикует краткую редакцию, которую по списку Соловецкой библиотеки опубликовал также И. Я. Порфирьев, все три редакции являются опубликованными, что дает возможность при изучении влияния, оказанного «Заветами» на древнерусскую иконопись, пользоваться, не прибегая к рукописям, этими изданиями.⁸

Вопрос о влиянии «Заветов» на древнерусское искусство, насколько нам известно, не ставился. Между тем существует тесная связь с текстом этого апокрифа надписей на свитках икон праотцев — сыновей Иакова, входящих в состав праотческого ряда иконостаса. Эти надписи никогда не изучались с точки зрения их литературного происхождения. Некоторые из них опубликованы А. И. Успенским, но без указания на литературный первоисточник и с отдельными неточностями в прочтении.⁹

Немногочисленные опубликованные иконописные подлинники дают некоторый, правда небогатый, материал по надписям на иконах двенадцати патриархов, также оставленный без комментария издателями подлинников.¹⁰

Литературное происхождение этих надписей не останавливало на себе внимания и исследовавших состав русских иконописных подлинников И. П. Сахарова и Ф. И. Буслаева.¹¹

«Заветы двенадцати патриархов», как известно, представляют собой монологи — предсмертные завещания сыновей Иакова своим детям, монологи, неизвестные каноническому библейскому тексту и содержащие целый ряд апокрифических подробностей и деталей. Наряду с поучениями нравственного характера в них чрезвычайно сильны покаянные мотивы, пророчества о будущем мира и о грядущем спасителе его. Эти пророчества по своему смыслу близки к завету Иакова канонического текста Библии (Бытия 49¹⁰⁻¹²), а также цитируют отдельные отрывки из апокрифической книги Еноха.¹²

⁷ В. М. Истрин. Редакции Толковой палеи. СПб., 1907, стр. 20—23.

⁸ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 96—232; И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах, т. I, стр. 158—194.

⁹ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века. М., 1913; стр. 222—275.

¹⁰ Древнейший список толкового подлинника, относящийся к концу XVI в., статьи об иконах праотцев не содержит. Очевидно, эта статья появилась не ранее 1666 г., так как в одном из списков после текста имеется приписка, что подлинник написан в 1666 г., и лишь после нее следует как приложение статья «Подлинник святым праотцам, како их писати». (См. Иконописный подлинник Новгородской редакции по Софийскому списку конца XVI века. М., 1873, стр. 6). В некоторых списках статья «об изречениях праотцев» появилась не ранее 1675 г. (П. П. Вяземский. Иконописный подлинник краткой редакции. СПб., 1885, стр. 5, 10). Статья «Подлинник святым праотцам, како их писати», опубликована в составе более позднего подлинника, восходящего к Сводной и Софийской редакциям (Подлинник иконописный. Издание С. Т. Большакова. М., 1903, стр. 2, 8—9). В Сводном иконописном подлиннике XVIII в. и в опубликованных лицевых подлинниках интересующего нас материала нет.

¹¹ И. П. Сахаров. Исследования о русском иконописании, ч. I. СПб., 1849; Ф. И. Буслаев. Литература русских иконописных подлинников. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II, СПб., 1861.

¹² М. И. Соколов. Славянская книга Еноха праведного. М., 1910; исследование — стр. 5, 162; Тексты Кумрана, вып. I, стр. 57, 60.

Праотеческий ряд иконостаса появился в первой трети XVI столетия, возможно около 1528 г. Этот ряд представляет собой «первоначальную ветхозаветную церковь от Адама до закона Моисеева, „период дозаконный“, в лице ветхозаветных патриархов с соответствующими текстами на развернутых свитках».¹³

«Откровения» о грядущем Мессии, в соответствии со смыслом праотеческого ряда в общей системе иконостаса, в основном и цитируют иконописцы из «Заветов двенадцати патриархов» в надписях на изображениях родоначальников «двенадцати колен Израиля».

Эти цитаты известны нам на иконах XVII—XVIII вв. По отношению к первоисточнику их можно разделить на два типа. Первый, когда надпись на иконе — не точная цитата, а свободный пересказ содержания, известного, однако, только этому апокрифу. Пересказ этот ведется в выражениях, близких к оригиналу. Второй тип надписи более распространен — это прямое цитирование текста «Заветов двенадцати патриархов».

Свитки с надписями на иконах имеют весьма своеобразное художественное воплощение. Прежде всего они даются в ином пространственном измерении, чем сама фигура, — свиток разворачивается на плоскости иконы так, что смотрящий на икону и читающий надпись зритель видит текст прямо перед собой, в то время как фигура пишется в сложном пространственном измерении, выражающем ее предстояние перед центральным изображением иконостасного ряда. Такое пространственное решение при изображении свитка с текстом не только выделяет его в смысле удобства чтения, но и подчеркивает смысловую важность надписи, писавшейся четкой вязью, очень крупными буквами, чаще всего черными, иногда с заглавной киноварной буквой, по белому полю свитка. Таким образом, надпись выделялась не только пространственно, но и цветовыми средствами. Тексты на свитках икон представляют собой прямую речь изображенных лиц. Отсюда делается понятным, почему «Заветы двенадцати патриархов» с их монологической формой столь привлекали иконописцев.

Надписи на свитках в большинстве случаев предельно кратки. Иконописец связан большим размером букв, обеспечивающим возможность прочтения надписи с дальнего расстояния, и одновременно ограничен размером свитка. Поэтому чаще всего это буквально несколько слов, последнее из которых подчас обрывается, не будучи окончено. Довольно часто используется своеобразный прием — из-под руки, держащей свиток, видны верхушки букв последнего слова, что несомненно расширяет текст, но без знания его подчас трудно дочитать надпись.

Предельная краткость надписи делает особенно важным нахождение ее литературного источника, поскольку только широкий литературный контекст позволяет понять замысел иконописца, писавшего тот или иной образ. Говоря о замысле художника, мы имеем в виду и иконописца — составителя подлинника, и мастера, который независимо от подлинника обращался во время работы непосредственно к литературному произведению, и иконописца, писавшего надпись по подлиннику, но знавшего ее литературный первоисточник, так как обращение к подлиннику не исключало возможности знакомства с самим апокрифом.

В случае, если художник слепо копировал подлинник или икону, взятую им за образец, мы можем рассматривать его работу как выражение замысла создателя оригинала, сохраняемого иконой-копией.

¹³ Л. А. Успенский. Вопрос иконостаса. Отдельный оттиск, 1963, стр. 234, 240.

Иконы двенадцати патриархов представлены в той или иной степени в большинстве праотеческих рядов иконостасов, но количество их и состав колеблются.¹⁴

Возвращаясь непосредственно к вопросу о влиянии «Заветов двенадцати патриархов» на иконы праотеческого ряда иконостаса, оговоримся, что из удобства практического пользования настоящей работой мы рассматриваем «Заветы» и соответствующие им иконы в алфавитном порядке.

Праотец Асир

Надпись на иконе начала XVII в.:
... и будете ту доньдже вы...¹⁵

Завет Асиров о злобе и доброумьи
(краткая редакция): ... много заблудите
и много козней будет на вас, и чужей
земли поработаете, но паки милостию
господнею на землю свою возврати-
теся... И будете ту доньдже
посетит вышний и помилует живущих
на ней и ть придет, аки человек с чело-
веки ядый и пья и смирием смирит
главу змиеву.¹⁶

Эта цитата из «Завета Асирова», содержащая пророчество о египетском пленении и грядущем Мессии, заимствована иконописцем из краткой редакции, так как в полной редакции соответствующее место читается несколько по-иному.¹⁷ Заметим, что только широкий литературный контекст первоисточника делает понятной эту краткую надпись-цитату на иконе.

¹⁴ Принцип отбора тех или иных из двенадцати патриархов в праотеческий ряд, весьма свободный и допускающий разные варианты и комбинации, до сих пор не изучен. Иконописный подлинник упоминает 23 праотеческих иконы, из них 6 — с сыновьями Иакова: Вениамином, Асиром, Иосифом, Симеоном, Иудой, Неффалимом (Подлинник иконописный. Издание С. Т. Большакова, стр. 8—9). Практически, даже в гораздо меньших иконостасах, число их может быть большим, а состав — иным. Так, к примеру, в иконостасе XVII в. Смоленского собора Новодевичьего монастыря 16 праотцев, из них 8 — сыновья Иакова, но состав их другой. Здесь нет Асира, однако представлены Рувим, Левий и Завулон. Иконостас XVII в. Преображенского собора Спасо-Евфимьево монастыря г. Суздаля содержит 12 изображений праотцев, из них 6 икон «Иуды и братии его», но состав их довольно отличен и от рекомендуемого иконописным подлинником, и от представленного в соборе Новодевичьего монастыря. В суздальском иконостасе нет икон Асира и Неффалима, но имеются изображения Рувима и Исахара. Изображений братьев может быть и менее шести. Так, праотеческий ряд в Покровском соборе Измайловского дворца, судя по описанию А. И. Успенского, был несимметричен и состоял из 14 икон, причем сыновей Иакова было пять, — помимо встречавшихся уже в разных комбинациях икон Исахара, Симеона, Рувима и Завулона, здесь была очень редкая икона праотца Дана. Праотеческие ряды, в которых не было хотя бы одного изображения кого-либо из сыновей Иакова, очевидно, делались только в иконостасах приделов, при условии, что в главных иконостасах такие иконы имелись. В качестве примера можно привести иконостас южного придела церкви Троицы в Никитниках в Москве, где этих икон нет, но они есть в главном иконостасе. Изучение состава праотеческих рядов, равно как и надписей на иконах, в настоящее время затруднено по двум причинам. Во-первых, многие иконостасы находятся под слоем темной олифы, и до расчистки очень трудно, особенно издалека, не только прочитать надписи, но и атрибутировать само изображение. Во-вторых, большинство икон праотцев в музейных собраниях представляет собой отдельные разрозненные части несохранившихся иконостасных ансамблей.

¹⁵ Из иконостаса Преображенского собора Соловецкого монастыря. Собрание Музея имени Андрея Рублева, инв. № 86.

¹⁶ Н. Тихонов в. Памятники отеченной русской литературы, т. I, стр. 134. Иконописный подлинник XIX в. содержит надпись к иконе Асира от слов «придет аки человек...» (ИРЛИ, Древлекранилище, колл. Перетца, № 602, л. 103).

¹⁷ Н. Тихонов в. Памятники отеченной русской литературы, т. I, стр. 213.

Надпись на иконе Асира, рекомендуемая Большаковским иконописным подлинником, иная: «Угодно пред господем, еже бегати зависти и злобы, и одолееши врага».¹⁸

Последняя надпись не является прямой цитатой из «Завета Асирова о злобе и доброумии», но связана с ним общностью содержания, прежде всего самой нравственной направленностью против злобы. Это один из основных мотивов «Завета». Он звучит и в самом названии и многократно выражается в монологе Асира, говорящего о том, что человек «помышляет злобу», «приемлет злое», «на злая дела обратится», некоторые люди «дволичны благостию и злобою», «нравом злобы». Близкие к этому выражения встречаются и в «Заветах» других братьев, например в «Завете» Вениамина: «Вы же, чада моя, бегайте злобы и зависти».¹⁹

Канонический библейский текст не знает подобного монолога Асира. Надпись, отнюдь не являясь прямой цитатой, а будучи свободным выражением основной мысли апокрифического высказывания праотца, также свидетельствует об обращении составителя иконописного подлинника к «Заветам двенадцати патриархов».

Праотец Вениамин

Надпись на иконе начала XVII в.:
... агнец божии Спас... мир...²⁰

Завет Вениаминов (обе редакции):
Чадо..., да сбудется на тебе пророчество
человеце о агнеце божии Спасе
миру.²¹

В процитированном месте «Завета» Вениамин пересказывает своим детям апокрифический завет Иакова, обращенный к Иосифу.

Надпись на иконе середины XVII в.:
Пошлет вышний спасение свое посещением
единароднаго яко пророка...²²

Завет Вениаминов (краткая редакция):
... царства господня не будет вам,
яко скоро сам возмет и пошлет бо
вышний спасение свое пресе-
щением единочаднаго яки
пророка...²³

Дословно цитируя текст своего апокрифического первоисточника, иконописец меняет слово «единочаднаго» на «едиnorodнаго». Такое исправление редкой формы на всем известную формулу второго члена Символа Веры дает более определенное и привычное для зрителя значение и усиливает, таким образом, смысловую выразительность надписи.²⁴

¹⁸ Подлинник иконописный. Издание С. Т. Большакова, стр. 8.

¹⁹ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 132—133, 229.

²⁰ Из иконостаса Преображенского собора Соловецкого монастыря. Собрание Музея имени Андрея Рублева, инв. № 87.

²¹ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 142, 227.

²² Из иконостаса Преображенского собора Спасо-Евфимьего монастыря в Суздале. Собрание Музея имени Андрея Рублева, инв. № к. п. 690.

²³ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 144.

²⁴ Форма «единочадна» в Символе для XVII в. была архаизмом. К этому времени утвердилось слово «едиnorodнаго» III редакции перевода, встречающейся уже в рукописи 1397 г. и распространившейся в XV—XVII вв. в западных, киевских и московских печатных книгах, в последних — с 1627 г. Форма «единочадна» в XVII в. сохранялась лишь в не употреблявшемся в богослужении тексте Никейского Символа из Кормчей книги (А. Гезен. История славянского перевода Символа Веры. Очерки и зарисовки из области филологии, истории и философии. Вып. I. СПб., 1884, стр. 7, 23—26, 32, 45, 53, 55, 67).

В полной редакции этот текст читается так: «...вышний послет бо». Это свидетельствует о том, что иконописец пользовался краткой редакцией «Завета».²⁵

*Надпись на иконе XVII в.: Любите господа бога небеснаго и сохраните за...*²⁶

Завет Вениаминов (*полная редакция*): Чада моя возлюбленная, любите господа бога небесного и сохраните заповеди его, подражайте благога и преподобнаго мужа Иосифа.²⁷

Краткая редакция в этом месте дословно совпадает с полной, но в опубликованных рукописях имеет форму «сохраняйте заповеди», в то время как полная редакция и текст на иконе — «сохраните заповеди».²⁸ Столь маленькое морфологическое разночтение, на первый взгляд свидетельствующее, что основой для текста на иконе послужила полная редакция, представляется, однако, недостаточным для категорического утверждения о том, какая редакция была перед иконописцем, так как отдельные грамматические отступления от первоисточника на иконах встречаются достаточно часто и могут быть объяснены не только выбором иконописца, но и разночтениями в рукописях, содержащих «Заветы двенадцати патриархов».

Три различные надписи на иконах праотца Вениамина восходят к одному и тому же литературному источнику, причем очень небольшому по объему текста, занимаемому в печатных изданиях менее четырех страниц. География написания икон, охватывающая Москву, Соловецкие острова, Суздаль, свидетельствует о повсеместном интересе к апокрифу, а различные цитаты из небольшого по размерам текста — о том, что не трафарет одного иконописного подлинника, а непосредственная работа художников с литературным произведением стоит за этими надписями-цитатами.

Отметим, что из Соловецкого монастыря происходит не только одна из рассмотренных икон праотца Вениамина, но также изображения других праотцев того же времени и из того же иконостаса, надписи на которых восходят к краткой редакции апокрифа. В книжнице Соловецкого монастыря была рукопись Палея, содержащая текст «Заветов», также начала XVII в. и также краткой редакции.²⁹ Это подтверждает наше предположение о возможности непосредственной работы иконописцев с литературным источником.

Праотец Гад

В составляемой нами картотеке надписей на иконах изображений праотца Гада с надписью не зафиксировано.³⁰ Однако среди упоминавшихся икон праотеческого ряда Преображенского собора Соловецкого монастыря

²⁵ Н. Тихонов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 230.

²⁶ В иконостасе Смоленского собора Новодевичьего монастыря.

²⁷ Н. Тихонов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 226.

²⁸ Там же, стр. 142.

²⁹ И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах..., стр. 158—194.

³⁰ Единственное известное нам изображение Гада надписи на свитке не имеет (Походный иконостас конца XVIII в. Собрание Музея имени Андрея Рублева, инв. № 1678). «Подлинник праотцам, како их писать», этой иконы не отмечает (Подлинник иконописный. Издание С. Т. Большакова, стр. 8—9).

имеется весьма загадочная икона начала XVII в. с утраченной первоначальной надписью-названием, вместо которой имеется надпись «ЛОТ», сделанная характерным почерком конца XVII—начала XVIII в.³¹ Поскольку первоначальные надписи-названия утрачены на всех Соловецких иконах праотцев, при последней реставрации, осуществленной в Музее имени Андрея Рублева, были оставлены более поздние надписи, как заменяющие исчезнувшие подлинны.³²

Не вникая в иконографические подробности, выходящие за рамки настоящей работы, отметим, что тип лица праотца с раздвоенной бородой не соответствует известным изображениям Лота и его описанию в иконописных подлинниках.

Сохраняющаяся первоначальная надпись на свитке этой иконы заставляет предполагать в ней изображение праотца Гада. Этот текст звучит так: «Гад рече: „От Иудина колена“...».

Такого типа надписи, начинающиеся со ссылки на имя «автора», изображенного на иконе, и продолжающиеся текстом-цитатой, достаточно часто встречаются на иконах, особенно пророков и праотцев. Например, на свитке праотца Еноха надпись может звучать так: «Рече Енох: „Не вкусивый“...».³³ Такой прием мы видим и на иконе одного из двенадцати патриархов — Иссахара, происходящей из того же праотческого ряда, что и рассматриваемая нами икона.³⁴ «Сахар рече: „Не прильпевши ей вещи женстей, но от Святаго духа“...».

С другой стороны, мы не можем указать ни одной иконы, где бы текст свитка, призванный содержать прямую речь изображенного на ней лица, имел бы вначале ссылку на другое лицо. Кроме того, ссылка на Гада на иконе Лота было бы нелогично как анахронизм — Лот ссылался бы на высказывания своего потомка.

Такого рода надпись на иконе Лота невозможна не только хронологически, но и чисто сюжетно, так как содержание всех иконных надписей восходит к подробностям литературных источников, связанных с изображенным лицом. Например, надпись на иконах Лота, рекомендуемая иконописным подлинником, связана с библейскими сведениями об этом праотце и звучит следующим образом: «Изведе мя господь из Содому и спасе мя».³⁵

Надпись на иконе, которую мы предположительно считаем изображением праотца Гада, выражает одну из основных идей «Заветов двенадцати патриархов» — о рождении спасителя мира «от колена Иудова». Этот мотив, восходящий, как мы уже отмечали, к завету Иакова канонического текста (Бытия 49₁₀₋₁₂), настойчиво звучит в апокрифических «Заветах двенадцати патриархов», где неоднократно встречается само выражение «от Иудина колена».³⁶ Праотец Гад в своем «Завете» «рече»

³¹ Собрание Музея имени Андрея Рублева, инв. № к. п. 750.

³² Мысль о одновременности живописи этих икон и надписей-названий на них высказана впервые А. С. Куклес: Иконы праотческого ряда иконостаса Преображенского собора Соловецкого монастыря. — Тезисы докладов к Всероссийской научной конференции, посвященной новым исследованиям в области древнерусского искусства и итогам экспедиций музеев РСФСР. Л., 1966, стр. 26. Надписи-названия сделаны вместо смытых древних скорее всего в 1697 г., когда поновленные древние иконы вошли в новый резной иконостас (История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб., 1899, стр. 183).

³³ Собрание Музея имени Андрея Рублева, инв. № к. п. 556.

³⁴ Там же, инв. № к. п. 753.

³⁵ Подлинник иконописный. Издание С. Т. Большакова, стр. 8.

³⁶ Н. Тихонов в. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 102, 104, 106, 119—120, 122—123, 129, 140—141.

о значении потомков Иуды: «Поведете же и се чадом вашим, да почтут Иуду и Левгия, яко оттою воссияет вам господь спас Израилев».³⁷

Праотец Завулон

Надпись на иконе XVII в.: Творите милость брату своему и милосердие.³⁸

Завет Завулонов (краткая редакция): Вы же, чада моя, послушайте заповеди моя и сохраните заповеди господня, творите милость к брату своему и милосердие ко всем человекам. Сего бо деяя и благослови мя господь.³⁹

Мысли о «милости и милосердии» в устах Завуллона не случайны и объясняются одной апокрифической деталью, известной только «Заветам двенадцати патриархов» — здесь именно Завуллон спасает Иосифа от смерти, которой хотели предать его Симеон и Гад. «Сего деяя, — говорит Завуллон в апокрифе, — и благослови мя господь. Вдаях душу мою за душу его и ныне неповинен бых в проданьи брата нашего Иосифа».⁴⁰ Канонический текст не знает этого мотива, в Библии Иосифа спасают от убийства, как известно, Рувим и Иуда (Бытия 37_{21-22,26-27}).

Надпись на иконе цитирует краткую редакцию, соответствующее место полной редакции читается несколько иначе.⁴¹

Известна еще одна надпись на иконе Завуллона 1679 г., находившейся когда-то в Покровском соборе Измайловского дворца. Эта надпись была весьма неточно прочитана А. И. Успенским и опубликована им в следующем виде: «Просветит всея [?] где [?] свет...».⁴² Странная форма «всея», взятая под вопрос самим публикатором, должна быть прочитана как «вы сам», а форму, принятую за слово «где» следует читать под титлом — «господь». В своем точном прочтении надпись восстанавливается по тексту тех же «Заветов двенадцати патриархов».

Надпись на иконе 1679 г.: Просветит вы сам господь, свет...

Завет Завулонов (краткая редакция): Просветит вы сам господь, свет правды, и возвратитесь в землю свою, и узрите господа в Иерусалиме.⁴³

Неточность прочтения могла произойти из-за дальности расстояния, темного олифного покрытия или плохой сохранности иконы, но незнание литературного источника в этом случае не позволило выяснить подлинное звучание надписи и ее смысл.

Праотец Иосиф

Надпись на иконе XVII в.: Сохраните заповеди господни и чтите Июду и Левгия.⁴⁴

Завет Иосифов (краткая редакция): Вы же, убо, чада моя, сохраните заповеди господня и чтите Июду и Левгия, яко оттою вам выйдет агнец божий и благодатью спасающая вся языки и царства...⁴⁵

³⁷ Там же, стр. 132, 209. Этот текст к иконе Гада — в иконописном подлиннике (ИРЛИ, Древлекранилище, колл. Перетца, № 602, л. 103).

³⁸ В иконостасе Смоленского собора Новодевичьего монастыря.

³⁹ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 123.

⁴⁰ Там же, стр. 122—123.

⁴¹ Там же, стр. 192.

⁴² А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века, стр. 222.

⁴³ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 123.

В полной редакции текст несколько иной (там же, стр. 194).

⁴⁴ В иконостасе Смоленского собора Новодевичьего монастыря.

⁴⁵ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 139.

Тексты обеих редакций в пределах иконной надписи совпадают.

Надпись на иконе середины XVII в.:
Видех, яко от Июды родитися хошет...⁴⁶

Завет Иосифов (*обе редакции*):
Видех, яко от Июды родися
девица..., из нея же изиде агнец пе-
порочен..., и все зверие устремляхуся
нань...⁴⁷

Мастер звенигородской иконы цитирует начало апокрифического сна Иосифа о рождении Агнца, на которого набросится «зверие», и о двенадцати оленях, распространившихся по всей земле, — сна, прообразующего жертвенную смерть Христа и апостольскую проповедь. Интересно, что московские мастера, работавшие и в Новодевичьем, и в Саввино-Сторожевском монастыре, будучи современниками, выбирают тексты для надписи разные, но в самом «Завете Иосифа» расположенные рядом, — за фразой, процитированной во второй иконе, в апокрифе следует текст, выбранный для первой. Это еще одно свидетельство непосредственного и осознанного обращения художников к первоисточнику.

Есть еще одна надпись на иконе праотца Иосифа XVIII в., которая, не будучи цитатой и лишь пересказывая монолог праотца из краткой редакции «Заветов двенадцати патриархов», обращается одновременно к тексту Синаксаря Великого понедельника, относящегося к Иосифу. От «Заветов» мастер берет монологическую форму, высказываясь в выражениях Синаксаря, и лишь отчасти — апокрифа.

Надпись на иконе XVIII в.: Сотвори
мя бог господина всей земли Египет-
ской...⁴⁸

Завет Иосифов: Сотвори господь
мне... и властеле Египту... всякого
приходу створи мя.

Синаксарь Великого понедельника:
Господи всей земли Египетстей по-
ставлен бывает...⁴⁹

Иконописный подлинник рекомендует на икону праотца Иосифа совершенно другую надпись, не связанную с «Заветами».⁵⁰

Праотец Иссахар

Надпись на иконе середины XVIII в.:
Чтите же Левгия и Июду, та бо два
прос...⁵¹

Завет Иссахаров (*краткая редак-
ция*): Честите же убо, чада моя,
Левгия и Июду, та бо два про-
славистася от господа во всех сы-
новех Иаковлих, ибо господь вселится
в нею, овому дастся жречество, овому
и царство...⁵²

⁴⁶ В иконостасе собора Саввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода.

⁴⁷ Н. Тихонов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 139, 223. Эту цитату, с теми же сокращениями, содержит подлинник из коллекции Перетца, № 602, л. 103 (ИРЛИ, Древлехранялище).

⁴⁸ Икона находилась в Экспертном отделе Госфонда СССР. Сообщено В. В. Кирченко, которому приношу искреннюю благодарность.

⁴⁹ Н. Тихонов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 139; Триодь цветная. Синаксарь Великого понедельника. Синаксари, начиная с конца XVII в., оказали вообще значительное влияние на иконные надписи, но это влияние не было еще предметом специального изучения. В данном случае старая традиция цитирования «Заветов» сталкивается с новой тенденцией обращения к тексту Синаксаря.

⁵⁰ Подлинник иконописный. Издание С. Т. Большакова, стр. 9.

⁵¹ В иконостасе собора Саввино-Сторожевского монастыря.

⁵² Н. Тихонов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 122. Текст полной редакции иной (там же, стр. 188).

Та же надпись, только в более кратком варианте: «Чтите же Иуду...» была на иконе 1679 г. в Покровском соборе Измайловского дворца.⁵³

Праотец Иуда

Надпись на иконе середины XVII в.:
...царь бысть: «Присетит господь милостию своею, и будет спасение Израилево во пришествии».⁵⁴

Завет Иудин (краткая редакция):
...господь мне поручи царство..., присетит господь милостию, и будет спасение Израилево в пришествии бога истинного, воссияет звезда от Иакова и восстанет человек от племени моего аки солнце праведное.⁵⁵

Эта надпись — интереснейший пример редакционной работы иконописца с «Заветом». Из обширного текста, предшествующего словам «присетит господь», он выделил самое главное, что Иуда — родоначальник царского рода. Размер свитка не позволил ему выразить эту мысль прямой цитатой. Художник начинает с определения, «представления» зрителям изображенного лица — на дробницах зритель видит обычную надпись «Праотец Иуда», — «царь бысть» продолжает надпись на свитке. И лишь затем начинается цитата из монолога самого праотца. Это смелый и уникальный прием.

«Подлинник праотцам, како их писать», обращается к тому же тексту, но здесь надпись короче и представляет собой только простую цитату из монолога: «Присетит господь милостию, и будет спасение Израилево».⁵⁶ Таким образом, подлинник содержит упрощенный и сокращенный, в сравнении с нашей иконой, вариант надписи.

Суздальский иконописец и составитель подлинника пользовались краткой редакцией, соответствующее место полной читается по-иному.⁵⁷

Нахождение этой надписи и обнаружение ее литературного источника указывает на погрешности в прочтении идентичного текста на иконе из собора Новодевичьего монастыря А. И. Успенским.⁵⁸

Праотец Левий

Надпись на иконе XVII в.: Стяжите мудрость со страсе божии, аще...⁵⁹

Завет Левгин (обе редакции):
Вы же, чада моя, мудрость стяжите в страсе божии со тщанием, аще будет пленение градом, то опустеет злато и серебро и все стяжание погибнет, мудраго же мудрости никто не может отъяти, но токмо омрачение греховное...⁶⁰

Похвалу «мудрости в страсе божии» на иконе Левия иконописец, цитируя «Завет» этого праотца, приводит не случайно. «Колено» Левия по-

⁵³ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века, стр. 222.

⁵⁴ Из иконостаса Преображенского собора Спасо-Евфимьего монастыря. Собрание Музея имени Андрея Рублева, инв. № к. п. 689.

⁵⁵ Н. Тихомиров. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 120.

⁵⁶ Подлинник иконописный. Издание С. Т. Вольшакова, стр. 9.

⁵⁷ Н. Тихомиров. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 184.

⁵⁸ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века, стр. 275.

⁵⁹ В иконостасе Смоленского собора Новодевичьего монастыря.

⁶⁰ Н. Тихомиров. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 114.

Цитируется по тексту краткой редакции, полная имеет некоторые разночтения за пределами текста надписи (там же, стр. 173).

лучило особенные права на священнослужение, его потомки — левиты «служили при скинии и храме, были из них иные певцами и музыкантами, иные книжочьями и судиями».⁶¹

«Подлинник иконописный», зафиксировавший праотеческий ряд, куда икона Левия не включалась, содержит цитату из того же места «Завета Левгина», но на свитке другого праотца — Фареса, племянника Левия и сына Иуды (Бытия 46₁₂), причем несколько сокращенную и видоизмененную по отношению к оригиналу.

Надпись на иконе праотца Фареса (по иконописному подлиннику): Стяжите мудрость в страхе божии, аще кто прилепится мудрости, той будет сопредостольник царев...⁶²

Завет Левгин (обе редакции): Вы же, чада моя, мудрость стяжите в страхе божии..., аще ли кто прилепится учению и мудрости, ть состольник будет царев...⁶³

Такая передача мыслей предка его потомком следующему поколению, завет, в прямом смысле этого слова хранимый поколениями, нам уже встречался, когда мы рассматривали надпись на иконе праотца Вениамина, цитировавшего апокрифический вариант завета Иакова.

Ссылки на предков на иконах праотцев, возможно, не случайны — иконописцы подчеркивают преемственный характер заветов «Израиля». Этот прием связывает изображенных в праотеческом ряду иконостаса праотцев разных поколений в единую «первоначальную ветхозаветную церковь от Адама до Закона Моисеева», что и составляет смысл праотеческого ряда иконостаса.⁶⁴

Праотец Нефталим

Надпись на иконе 1679 г.: ...приидет милосердие господне...⁶⁵

Надпись на иконописном подлиннике и (до скобок) на иконе XVII в.: ...разумейте и чудотворение господа, сотворшаг[о] и небеса, и землю, и море, и всяческая...⁶⁶

Завет Нефталимль (обе редакции): Придет милосердие господне, человек, творий правду, от колена Иудова, творий милость и всем дальним и ближним.⁶⁷

Завет Нефталимль (краткая редакция): Чада моя, разумейте утверждение земли и моря на всяком чудотворении господа, створившаго всяцьякая...⁶⁸

Надписи в подлиннике и на иконе достаточно свободно, хотя и в близких выражениях, интерпретируют текст «Завета Нефталимля», однако происхождение их от этого апокрифа не вызывает сомнения.

Форма «разумевше» в полной редакции при «разумейте» в краткой не дает возможности установить точно редакцию — основу надписи, но формальное преимущество «на стороне» краткой редакции.⁶⁹

⁶¹ Полный православный богословский энциклопедический словарь, т. II. СПб. [б. г.], стр. 1515.

⁶² Подлинник иконописный. Издание С. Т. Большакова, стр. 9.

⁶³ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 123.

⁶⁴ Л. А. Успенский. Вопрос иконостаса, стр. 240.

⁶⁵ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века, стр. 222. Вариантом этой надписи, очевидно, следует считать текст на иконе Нефталима из Соловецкого монастыря: «Приидет благо...» (Собрание Музея имени Андрея Рублева, инв. № 83).

⁶⁶ Подлинник иконописный. Издание С. Т. Большакова, стр. 9; в иконостасе Смоленского собора Новодевичьего монастыря.

⁶⁷ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 129, 202.

⁶⁸ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 129.

⁶⁹ Там же, а также стр. 201, 202.

Праотец Рувим

Надпись на иконе середины XVII в.:
От Иуды избра господь царствовати
все...⁷⁰

Завет Рувимов (обе редакции): От
Иуды же избра господь цар-
ствовати всем людем и поклонит-
ся племени его, яко за вы умрет
в ратех видимых и невидимых...⁷¹

Другая икона праотца Рувима содержит надпись, не являющуюся, по-
добно рассмотренной выше, цитатой из «Завета Рувимова», но связанную
с ним содержанием и совпадающую в отдельных выражениях с текстом
«Заветов двенадцати патриархов». Это икона из иконостаса Смоленского
собора Новодевичьего монастыря. Текст ее представляет собой как бы
комбинацию из двух фраз, первая из которых читается в «Завете» са-
мого Рувима, а вторая — в «Завете Иудином».

Надпись на иконе XVII в.: ... бе-
гайте блуда и сребролюбия и пия...⁷²

«Заветы» Рувима и Иуды: ... бе-
гайте убо блужения, чада моя...
Хранитесь, чада моя, от всякого
блужения и сребролюбия...⁷³

Предостережение Рувима своим детям, чтобы они «бегали блуда», по-
нятно у этого праотца, лишившегося первородства из-за падения с Валою
(Бытия 35₂₂, 49₃₋₄).

Последнее слово надписи несомненно — «пиянство». Этот мотив в сло-
вах Рувима понятен только из текста его апокрифического «Завета»,
в котором упомянутое в Библии его падение с Валою объясняется пьян-
ством Вала: «Вала бяше упила» и «спаша не покрывшись, в хлевине
своей». Там же Рувим, обращаясь к сыновьям, говорит о пьянстве как об
одном из «прелестных духов», с которым «сходит любопохотный грех».⁷⁴
Содержание надписи на иконе, сама форма монолога, смысловые и фра-
зеологические совпадения с текстом «Заветов» ясно говорят о ее литера-
турной основе.

Праотец Симеон

Надпись на иконе 1679 г.: Восста-
вит...⁷⁵

Завет Симеонов (обе редакции):
Восставит бо бог от Левгия акы
старейшину жречьска, от Иуды акы
царя и человека, ть спасает вся
языки...⁷⁶

На иконе Симеона имеется и другая надпись, читаемая в иконописном
подлиннике и в сокращенном виде на произведении XVII в.: «Мудрость
в теле и разум в души дается человеку от вышняго промысла...».⁷⁷ Наи-
более близка к этой надписи фраза из «Завета Симеонова»: «Мужество
от вышняго дается человеку в душах и телесах».⁷⁸ Но

⁷⁰ В иконостасе собора Саввино-Сторожевского монастыря.

⁷¹ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 98.
В границах надписи тексты обеих редакций идентичны; ср.: там же, стр. 151.

⁷² В иконостасе Смоленского собора Новодевичьего монастыря.

⁷³ Там же, стр. 150, 115.

⁷⁴ Там же, стр. 147—148.

⁷⁵ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века, стр. 222.

⁷⁶ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 102.

⁷⁷ Подлинник иконописный. Издание С. Т. Большакова, стр. 9; А. И. Успен-
ский. Царские иконописцы и живописцы XVII века, стр. 275.

⁷⁸ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I.
стр. 100, 152.

надпись, несмотря на существенное сходство с вышеприведенной фразой из «Завета», — не прямая из него цитата, а краткий афоризм, суммирующий часто высказываемые в этом «Завете» мысли о зависимости друг от друга духовного и телесного состояний: например, здесь Симеон говорит о том, что зависть «мучит душу... и ужась телу творит», она же «душу дряхлу творит и немощно тело», «мятеж души подаст и трепетание телу».⁷⁹ Соответственно, телесная чистота связывается с высоким состоянием души: «Озлобих душу свою постом и разумех в себе, яко разорение зависти со страхом Божиим бывает».⁸⁰

Перед нами уже отмечавшийся неоднократно случай связи надписи на иконе с литературным первоисточником.

Итак, в надписях на иконах «Иуды и братии его» обнаружены цитаты из всех «Заветов двенадцати патриархов», кроме «Завета» праотца Дана. Это совершенно естественно, поскольку иконные изображения этого праотца крайне редки.⁸¹ Икон Дана не упоминают и опубликованные иконописные подлинники. Загадочно-непривлекательные черты, которые предсказывает в библейском тексте «колену Данову» Иаков (Бытия 49₁₆₋₁₈), а также упоминание его в Апокалипсисе среди «запечатленных» в каждом «колоне Израилеве» (Апокалипсис, 7) послужили основанием считать, что из рода Данова произойдет антихрист. Эта мысль известна и святоотеческой литературе. Блаженный Феодорит, комментируя соответствующее место библейского завета Иакова, пишет: «Дух божий, предрекший чрез патриарха (Иакова, — В. С.) о спасителе нашем, в сем предречении говорит и об антихристе».⁸² Этим объясняется редкость икон Дана в проточеских рядах иконостаса. Однако иконописный подлинник XIX в. из коллекции В. Н. Перетца, содержащий очень подробную статью об иконах праотцев, упоминает надпись к изображению Дана, которая с искажениями цитирует все ту же краткую редакцию «Заветов».

Подлинник XIX в.: Господь любит (sic!) тогда посреде человека (sic!) ходя святыи Израилев, иже во смиреннии и нищете...⁸³

Завет Данов (краткая редакция): Господь бо будет тогда посреди его с человеки ходяи, святыи Израиль, есть в смиреннии и нищете...⁸⁴

Искажения надписи в подлиннике доказывают давнюю традицию ее употребления на иконах — нужно было время, чтобы эти искажения, обесмысливающие текст, возникли.

При цитировании иконописцами «Заветов двенадцати патриархов» на иконах одного и того же праотца встречается до трех различных вариантов цитат из соответствующего «Завета». Имеются также надписи, не являющиеся прямой цитатой, но передающие содержание, известное только нашему апокрифу, чаще всего — в весьма сходных с первоисточником выражениях. Однако надписи первого типа существенно преобладают. Большинство известных нам надписей на иконах сыновей Иакова восходит к «Заветам двенадцати патриархов». Из зафиксированных к моменту

⁷⁹ Там же, стр. 100, 154.

⁸⁰ Там же, стр. 100.

⁸¹ Помимо упомянутого уже изображения Дана 1679 г., входившего в иконостас Покровского собора Измайловского дворца без надписи на свитке, в литературе отмечена еще одна икона этого праотца 1673 г. (Ю. А. Олсуфьев. *Опись икон Троице-Сергиевой лавры. Сергиев Посад, 1920, стр. 33*).

⁸² Толковая Библия... т. 5. М., 1908, стр. 226—267.

⁸³ ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Перетца, № 602, л. 102.

⁸⁴ Н. Тихонов. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 126. В полной редакции отсутствует слово «тогда» (стр. 198).

написания настоящей работы надписей около тридцати связано с этим апокрифом и около десяти восходит к другим литературным памятникам.

Этот небольшой по объему материал, естественно, составляет очень малую долю тех текстов, которые будут открыты в процессе дальнейшего собирания «изображенного слова» на иконах.

Но уже сейчас определенно можно говорить о достаточно частых случаях обращения иконописцев непосредственно к литературному первоисточнику, поскольку, во-первых, на многих иконах встречаются цитаты из «Заветов», не зафиксированные иконописным подлинником, во-вторых, иконы несут на себе цитаты иногда более пространные, чем соответствующие тексты подлинника, и, в-третьих, на иконах читаются надписи, обобщающие, основные мысли того или иного «Завета», но отсутствующие в подлиннике.

В случае, если подробное изучение богатой и мало исследованной литературы толковых подлинников подтвердит наше предположение о возникновении «Подлинника праотцам, како их писати», после 1666 г., то станет ясным, что эта статья составила на основе уже имевшихся на иконах надписей. В пользу этого говорит и тот факт, что текст о праотцах в греческом подлиннике М. Дидро совершенно иной.⁸⁵ Обнаруженные на иконах и в русской статье подлинника прямые и точные цитаты из «Заветов двенадцати патриархов» — еще одно свидетельство творчества русских иконописцев, обращавшихся непосредственно к тексту «Заветов», а после — к основанной на них и устоявшейся русской традиции надписей, а не переводу соответствующей статьи греческого подлинника.

Ф. И. Буслаев писал в свое время, что «самым достойным литературным плодом начитанности иконописцев были наши иконописные подлинники, которыми по всей справедливости может гордиться русская старина».⁸⁶ Рассмотренный нами материал дает право сказать, что знание литературы у иконописцев было более значительным и обращение к литературным источникам более частым и непосредственным, чем об этом свидетельствуют подлинники.

Создатели праотческих икон обращались к краткой редакции «Заветов». Даже весьма краткие надписи дают возможность сделать этот вывод, так как при встречающихся случаях совпадения текстов обеих редакций в границах надписи-цитаты достаточно часто цитируется именно краткая редакция и практически ни разу не встретился текст, который бы определенно восходил к полной, или первоначальной (по В. М. Истрину), редакции.

Следовательно, иконописцы пользовались текстом «Заветов двенадцати патриархов» в составе Толковой палеи.

Это обстоятельство чрезвычайно важно для понимания того, как апокрифические тексты могли попасть на иконы. Иконописец цитировал, таким образом, не текст отреченного произведения, входившего в индекс, а историческое сочинение, не имеющее авторитета Священного писания, но и не находившееся ни под каким запрещением.⁸⁷ Путь, которым проникли тексты из апокрифических «Заветов» на иконы, аналогичен пути вхождения в иконопись, проповедническую и богослужебную литературу многих апокрифических мотивов и текстов, — «писание отреченное с из-

⁸⁵ И. П. Сахаров. Исследования о русском иконописании, ч. I, стр. 15.

⁸⁶ Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II. СПб., 1861, стр. 57.

⁸⁷ М. Сперанский. Книги отреченные. — Богословская Энциклопедия, т. XI. СПб., 1910, стлб. 412—413.

менным заглавием, по частям или целиком внесенное в иное сочинение, продолжало свое распространение».⁸⁸

Установление факта использования древнерусскими иконописцами «Заветов» в составе Толковой палеи ставит проблему влияния Палеи во всем ее объеме на иконописание.

Открытие литературного источника надписей-цитат на иконах двенадцати патриархов имеет весьма определенное практическое значение для искусствоведения. Прежде всего — только широкий литературный контекст позволяет понять замысел художника, создававшего ту или иную икону, включая сюда и психологические особенности самого образа.

Знание литературного источника надписи на свитке может помочь точной атрибуции вещи в случае утраты или позднейшей замены надписи — названия иконы. Оно позволяет восстановить подлинное звучание надписи, если произошла частичная ее утрата, что немаловажно при реставрации произведения и его музейном описании.

Это знание открывает еще одну черту в том взаимопроникновении, которым были живы литература и изобразительное искусство Древней Руси, в постоянной «внутренней связи интересов художественных и литературных».⁸⁹

Наконец, за надписями на иконах стоит живая работа художника, — все равно, писал ли он иконостасные иконы, работал над составлением подлинника или занимался тем и другим, — его литературные интересы, желание сделать для себя по возможности конкретным мир, отделенный от него не веками даже, а тысячелетиями.

Старинные русские иконописцы выводили своей кистью слова, которые пронесла почти через два тысячелетия культура многих народов, — от кожаных свитков пещер Кумрана до икон московских и суздальских монастырей и рукописной книги, переписанной на Соловецких островах.

⁸⁸ Там же, стр. 426.

⁸⁹ Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II, стр. 346.